

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-771-787

Научная статья / Research article

Глобальный трансфер неолиберальных моделей и доктрина суверенного государства

Г. Шумкоски

Независимый исследователь, Скопье, Македония

 goran.sumkoski@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются механизмы квазидобровольного и принудительного распространения неолиберальных моделей развития на глобальном уровне через целенаправленную деятельность и повестку международных организаций. В настоящее время легитимность как самого процесса продвижения глобального неолиберализма, так и его результатов выглядит противоречивой и широко оспаривается. Данный процесс сопровождался продолжительной эрозией государственного суверенитета, мандатов и полномочий национальных государств. Как результат — «вакуум» в их способности полноценно реализовывать доктрину суверенного государства. Однако сегодня в условиях перехода к многополярному миропорядку государства вновь заявляют о необходимости реализации суверенных подходов к собственному развитию, активно формируя альтернативные неолиберализму стратегии и оперативные планы развития. Проанализированы неолиберальные модели вмешательства в дела государств, а также те сферы, где произошло наибольшее ослабление государственных полномочий. Выдвигается тезис о необходимости формулирования государствами независимых национальных моделей развития, альтернативных насаждаемым неолиберальным программам. Это предполагает обеспечение широких идеологических и философских основ и понимания сути суверенного развития. Для разработки и реализации оперативных планов по возрождению функциональных возможностей национальных государств важно восстановить соответствующие знания и практические навыки, платформы и средства. Представляется, что именно это позволит национальным государствам сформулировать собственные стратегии развития в условиях динамично формирующейся многополярности. Сделан особый акцент на доктрину суверенного государства в сфере экономики. Однако подобный подход может и должен применяться в смежных сферах социального и политического развития.

Ключевые слова: суверенная государственная доктрина, неолиберализм, глобализм, суверенное экономическое развитие, международные организации

Для цитирования: Шумкоски Г. Глобальный трансфер неолиберальных моделей и доктрина суверенного государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 771—787. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-771-787>

© Шумкоски Г., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Global Dissipation of Neoliberal Models and the Sovereign State Doctrine

Goran Sumkoski

Independent Researcher, Skopje, Macedonia

goran.sumkoski@mail.ru

Abstract. The article examines the mechanisms of quasi-voluntary and coercive dissemination of neoliberal models of development at the global level through the targeted activities and agendas of international organizations. At present, the legitimacy of both the process of promoting global neoliberalism itself and its results appear contradictory and widely challenged. This process has been accompanied by a decades-long erosion of state sovereignty, mandates and powers of nation-states. The result has been a “vacuum” in their ability to fully implement the sovereign state doctrine. However, today, with a multipolar world order transit states are again claiming the need to implement sovereign approaches to their own development, actively forming strategies and operational development plans alternative to neoliberalism. The author extensively analyzes neoliberal models of intervention, as well as those spheres in which there has been the greatest weakening of state powers. The article puts forward the thesis of the necessity for states to formulate national independent models of development alternative to the neoliberal programs globally imposed. This involves providing a broad ideological and philosophical framework and understanding of sovereign development for restoring the nation-states ability to formulate sovereign state doctrine, vision, and strategy. In order to design and implement operational plans to revitalize the functional capacities of nation-states, it is important to restore relevant knowledge and practical skills, platforms and tools. It seems that this is what will allow nation-states to formulate their own development strategies in the context of dynamically emerging multipolarity. The article puts special emphasis on the doctrine of a sovereign state in the sphere of the economy. However, a similar approach can and should be applied in related spheres of social and political development.

Key words: sovereign state doctrine, neoliberalism, globalism, sovereign economic development, international organizations

For citation: Sumkoski, G. (2022). Global dissipation of neoliberal models and the sovereign state doctrine. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 771—787. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-771-787>

Введение

Современный этап глобализации выдвинул на первый план отношения между ключевыми акторами глобального управления: государствами, международными организациями и негосударственными акторами. В настоящее время единственным и неоспоримым источником легитимности является народ национального государства, который может наделять ею правительства через выборы и/или другие средства народного волеизъявления. Однако в последние десятилетия наблюдается устойчивая тенденция к снижению роли национального государства. Его мандаты и полномочия передаются различным квазигосударственным органам, неправительственным организациям (НПО) и независимым агентствам. Параллельно растет влияние международных организаций, транснациональных корпораций и профессиональных сетей. Однако большинству из них не удастся концептуально обосновать

собственную легитимность, поэтому они часто воспринимаются гражданами национальных государств как нелегитимные.

До недавнего времени Вашингтонский консенсус признавался академическими кругами, правительствами и экспертами в качестве универсальной модели государственной политики, рекомендации которой предписывалось выполнять национальным государствам. Однако сегодня его ценность подвергается сомнению как в теории, так и на практике. В этих условиях возникают альтернативы Вашингтонскому консенсусу. Новая «многонациональная нормальность» глобального развития суверенных наций еще не сформирована до конца, хотя ее основные черты начинают вырисовываться. Очевидно, что «старые» институты управления глобальным развитием не смогут приспособиться к новой реальности и стать более инклюзивными, подотчетными, а значит, и легитимными с точки зрения принятия решений и должны

признать наличие разнообразных путей развития суверенных государств. Сегодня существуют независимые и конкурирующие версии региональных и глобальных подходов к развитию, которые учитывают потребности и предпочтения суверенных государств.

Глобальная неолиберальная повестка и национальные государства

Внедрение различных децентрализованных локальных, региональных и глобальных систем управления в контексте парадигмы неолиберального глобализма неизбежно ослабляло роль государств. Итог подобного «разгосударствления» — ослабление и даже лишение государств их полномочий и мандатов с постепенной передачей функций выборным международным или квазинациональным органам. Сегодня данный процесс проявляется в переходе от национальных к независимым центральным банкам, создании независимых регулирующих органов, НПО или третьего сектора, профессиональных сетей и т. д. Все это в конечном счете было направлено на оттеснение и ослабление государств, которые со времен Аристотеля и до сегодняшнего дня остаются единственным признанным источником легитимности. Это единственный уровень, где нации могут осуществлять подотчетное управление, законно самоорганизовываться и управлять собственными процессами.

При этом в области международного экономического развития развивающиеся страны вновь обращаются к реформам промышленной политики, допускающим большую роль государства. Эта практика встроена в более широкую теорию развития суверенного государства, которая объединяет все секторальные экономические, социальные и институциональные подходы к восстановлению роли институтов, как формальных, так и неформальных, и национальных государств в качестве преобладающей парадигмы развития XXI в.

В последние десятилетия были предприняты значительные усилия по включению государства и его институтов в модели экономического развития и роста и формулированию соответствующих политических рекомендаций. Они содержатся, главным образом,

в работах сторонников нового многополярного миропорядка, хотя присутствуют и в западных неолиберальных концептах, как, например, в новой структурной экономике (Lin, 2012) или концепте «связывающих ограничений» и «диагностики роста» (Hausmann, Pritchett & Rodrik, 2005). Однако и те и другие ориентируются на усовершенствование западных Бреттон-Вудских институтов. Попытки подобных реформ до сих пор оканчивались провалом. К примеру, неудачей закончилась реформа Всемирного банка, в основу которой была положена идея о «многообразии путей развития» (Stiglitz, 2001; 2002). Подобные реформы всячески тормозятся западными политическими элитами. Таким образом, новая доктрина суверенного государства устанавливает общие рамки для суверенных государств-наций, которые находятся в поиске собственного пути политического, социального и экономического развития в многополярном мире, основываясь на реалистической перспективе международных отношений.

Начиная с 1990-х гг. неолиберализм доминировал повсеместно, в том числе в сфере международных отношений, глобальной и государственной идеологии, политических и социальных институтах, экономике, науке и образовании. Неолиберальные принципы были инкорпорированы в подавляющее большинство национальных стратегий развития в качестве государственной идеологии. Результатом кризиса неолиберального мировоззрения стал «вакуум» не только в конкурирующих идеологиях, но и в видении, стратегиях, практических навыках и возможностях реализации доктрины суверенного государства. Это связано с неолиберальной идеологией и практикой, низводящей национальные государства до региональных, чисто исполнительных функций и лишаящей их важнейшей функции субъекта принятия политических решений. Подобный тип бессодержательного управления, который обеспечивался как раз за счет чисто исполнительных функций и воплощался в национальных системах образования, привел к потере суверенными национальными государствами способности формулировать, создавать и реализовывать видения, стратегии, планы и возможности для выполнения своих прямых функций в условиях многополярности.

Зарождающийся многополярный мир, основанный на положениях реализма, не нуждается в предписывающей идеологии на уровне национального государства за исключением фундаментальной — суверенной воли народа устанавливать и управлять собственными процессами и определять образ жизни в соответствии с предпочтительными для него нормами и ценностями. Нужна ли в таком случае вообще доктрина суверенного государства? Ответ очевиден — да. Образовавшаяся в итоге «пустота», в которой функции государства были сведены до уровня местных административных полномочий и реализации глобалистской повестки в интересах транснациональных корпораций, должна быть заполнена за счет восстановления утраченных возможностей национальных государств. Это, в свою очередь, требует переосмысления и более глубокого анализа истоков и целей национального государства сквозь призму разных исторических эпох — идей Аристотеля о государственном управлении и их реализации Александром Македонским, становления средневековых государств, поведения государств в XIX в. и начале XX в. Процесс восстановления функций национального государства предполагает выполнение задач «по вертикали», начиная с принятия собственной идеологии, стратегии и планов, а также укрепления способности и потенциала обеспечивать политическое, экономическое и социальное развитие своего суверена — народа.

Только одно фундаментальное изменение, вытекающее из теории и практики государственности и заложенное в доктрине суверенного государства, затронет все аспекты суверенного государства — его идеологию, институты, управление и администрацию, а также практические действия в экономической, политической и социальной сферах. Государство служит своему суверену — народу, а не каким-то «высшим» международным группам и глобальным интересам. Доктрина суверенного государства обеспечивает основу для развития справедливых национальных экономических систем, которые будут наилучшим образом отражать культуру, традиции, природный и человеческий потенциал страны. Не будучи идеологически и

политически директивной, подобная модель суверенного государства допускает строительство любой модели — от основанной на развитии госсектора до опирающейся на частный сектор, включая любые промежуточные вариации моделей смешанной экономики.

Для того чтобы более точно определить ключевые области, которые могут стать отправными точками для построения видения, стратегии и оперативных планов по восстановлению суверенного национального государства, необходимо проследить происхождение современного уровня «разгосударствления» в условиях гегемонии глобального неолиберализма.

Глобальный трансфер неолиберальных моделей и их распространение в развивающихся странах

В условиях глобализации современные попытки проецирования так называемых универсальных ценностей в менее развитые страны происходят в эпоху беспрецедентного технологического прогресса, который значительно упростил и ускорил международные коммуникации и перемещение людей. Распространение глобальных торговых, инвестиционных, производственных и сервисных цепочек добавленной стоимости за счет постоянного сближения таможенных, торговых и инвестиционных правил привело к более глубокой экономической интеграции. Это сделало мир «меньше» и превратило его в действительно «глобальную деревню». Подобный беспрецедентный технологический и коммуникационный прогресс в сочетании с тектоническими политическими изменениями последних десятилетий ознаменовался непрерывной эрозией национальных государств и ростом влияния международных и неправительственных организаций. В попытке отразить присущую неолиберальному глобальному управлению сложность Дж. Розенау (Rosenau, 1995) определяет его как «концепцию, включающую системы управления на всех уровнях человеческой деятельности — от семьи до международной организации, где достижение целей через осуществление контроля имеет трансграничные последствия» (Rosenau, 1995, p. 7). Конкуренция

и противоречивость способов преодоления этих трансграничных последствий выводят на передний план напряженность и противоречия в отношениях между ключевыми субъектами глобального управления, такими как государства, международные организации и негосударственные акторы.

Стремительность прогресса, с помощью которого удалось ускорить информационные, коммуникационные и транспортные процессы в сочетании с экономической и политической глобализацией и интернационализацией, обеспечила платформу для распространения идей и практик на глобальном уровне. Это привело к усилению межгосударственной взаимозависимости, распространению институтов и политических практик через трансфер, конвергенцию и адаптацию мер государственной политики (Gilardi & Wasserfallen, 2019; Trein, 2015). В то время как глобализация понимается как увеличение трансграничных экономических транзакций, которые преодолевают границы через снижение барьеров для торговли, инвестиций, экономического и политического обмена между обществами (Маньшин, Гафари, 2021; Drezner, 2001; Stallings, 2007), интернационализация обычно ассоциируется с усилением влияния транснациональных идей и акторов, действующих за пределами государственных границ, на национальные государства (Bernstein & Cashore, 2000).

Несмотря на внутренние дебаты и борьбу за власть, основные глобальные институты продвигают неолиберальные реформы как доминирующую модель преобразований на национальном уровне, «попадающую» в развивающиеся экономики через программы помощи и путем имитации (Minogue, 2002). Можно насчитать множество примеров квазидобровольного или откровенно принудительного принятия развивающимися странами политических практик и институтов. Такие страны, как Бангладеш, например, приняли платформу государственно-частного диалога BUILD, концепцию альтернативного разрешения споров, а также концепцию свободных экономических зон через программу Всемирного банка¹. Таджикистан создал

¹ Ibrahim A., Masrur Reaz M., Ansari Azhar S., Lutfullah M. Bangladesh. Business Initiative Leading

свободные экономические зоны при содействии международных институтов развития, таких как Программа развития ООН (ПРООН), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и др.² Международный валютный фонд (МВФ) и Налоговое управление Австралии предоставили Индонезии техническую помощь после принятия последней более строгой модели налогового законодательства³.

В подобных случаях мотивация добровольного принятия новых обязательств и взаимодействия с институтами не может быть объяснена исключительно внутренними рациональными попытками повысить эффективность государственной политики. Скорее, это часто мотивируется давлением, связанным с необходимостью соответствовать международным требованиям. Например, одобрение и продвижение таких новых негосударственных институтов, инструментов и средств международными организациями часто делает их распространение более плавным и приемлемым. Европейский союз (ЕС) является примером как горизонтальной диффузии мер государственной политики между отдельными государствами-членами, так и вертикальной — через гармонизацию законодательства под руководством Брюсселя и сопровождаемой рекомендациями международных организаций, которые привели к принятию новых нормативных инструментов во всех странах ЕС (Busch & Jörgens, 2004).

Аналогичный транснациональный путь был пройден Мексикой в рамках административной реформы и странами Юго-Восточной

Development (BUILD). Presented at the Public-Private Dialogue 2015 Workshop (Copenhagen, March 10—13, 2015) // Public-Private Dialogue. 2015. URL: <https://ppd.cipe.org/wp-content/uploads/2016/03/2015-Public-Private-Dialogue-in-Bangladesh1.pdf> (accessed: 15.09.2022).

² OSCE Annual Report 2011. Vienna : Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE), 2011. P. 70—71. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/a/d/89356.pdf> (accessed: 15.09.2022).

³ Winter J., Edwards M., Triaswati N. Australia Indonesia Partnership for Economic Governance (AIPEG): Independent Progress Report // Department of Foreign Affairs and Trade. 2011. URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/aipeg-ipr-nov-2011.pdf> (accessed: 15.09.2022).

Азии в сфере государственного управления. Распространение в конце XX в. налога на добавленную стоимость (НДС) также является примером трансфера мер государственной политики, основанных на политических реформах, впервые введенных в начале 1950-х гг. во Франции⁴.

Анализируя распространение и внедрение системы страхования транснациональной сетью организаций страхования жизни, пенсионных консультантов и Всемирного банка, М. Леймгрубер (Leimgruber, 2012) проследил происхождение нынешней системы страхования от швейцарской модели. К 1990-м гг. эта доктрина широко использовалась без ссылки на ее национальное швейцарское происхождение (Leimgruber, 2012, p. 38). Почти все развивающиеся страны в своих усилиях по привлечению инвестиций «добровольно» или «принудительно» копируют политические решения в области минерально-сырьевой политики (Cisse, 2008). Транснациональные сети международных НПО определяются как основные силы, способствующие распространению гендерного подхода при принятии мер государственной политики (True & Mintrom, 2001).

Глобальная политическая сеть, включающая экспертные группы, международные организации и платформы при участии многих заинтересованных сторон, сумела сформировать, концептуализировать, разработать и распространить нормы интегрированного управления водными ресурсами (Kramer & Pahl-Wostl, 2014). Политика Индии в области биоразнообразия была сформулирована под влиянием норм посредством действий «политических предпринимателей», действующих в рамках широкой группы интересов⁵.

Анализируя конвергенцию экологической политики в развитых странах в период с 1970 по 2000 г., К. Хольцингер, К. Книлл

и Т. Зоммерер (Holzinger, Knill & Sommerer, 2008) обнаружили между странами впечатляющую степень конвергенции, вызванную международной гармонизацией и транснациональной коммуникацией. М. Потоски и А. Пракаш (Potoski & Prakash, 2005) утверждают, что принятие добровольной системы экологического регулирования ISO 14001 происходит в тех странах, на экспортных рынках которых принимаются меры по введению обязательных экологических стандартов.

Аналогичным образом общий набор реформ образовательной политики, проводимых во многих странах мира, приобрел статус «глобальной образовательной политики» (Verger, Novelli & Kosar Altinyelken, 2012, p. 3). Даже самые глубокие институциональные механизмы, такие как конституции, обычно воспринимаемые как имеющие внутринациональное происхождение, сформированные внутренними интересами и отражающие взгляды и ценности наций, также складываются в результате трансграничного влияния в процессе диффузии мер государственной политики (Goderis & Versteeg, 2013).

Роль международных организаций в продвижении неолиберальных моделей

Страны и общественные организации, принадлежащие к многоуровневой системе управления, подвержены влиянию и ограничениям, которые проистекают из сложных взаимоотношений между различными государственными, частными и гражданскими субъектами на глобальном и национальном уровнях (Evans, 2004). Это постоянное взаимодействие в сочетании с ростом взаимной зависимости от политической, экономической, технической и финансовой поддержки обусловили потребность в проведении реформ. Они не всегда исходят от внутренних потребностей или давления, а чаще от внешних факторов и сил, оперирующих на разных уровнях глобального управления.

Влияние и воздействие транснациональных субъектов — международных институтов развития, аналитических центров и политических сетей на национальную политику и каналы, по которым эти транснациональные субъекты влияют на формирование политики

⁴ Eccleston R. Whose Idea Was It Anyway? The Dynamics of International Policy Transfer and the Case of Consumption Tax Reform // University of Tasmania. 2006. URL: https://eprints.utas.edu.au/8138/1/APSA_2006_Eccleston_final.pdf (accessed: 15.09.2022).

⁵ Ganguly S. A Constructivist Analysis Linking Norm Diffusion to Policy Networks // German Development Institute. 2010. URL: https://refubium.fu-berlin.de/bitstream/handle/fub188/18589/Ganguly-A_constructivist_analysis_linking_norm_diffusion-269.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 15.09.2022).

в конкретных странах, является предметом широкого исследовательского интереса (Дегтерев, 2013; Deacon, 2007; *Global Institutions and Development...*, 2004; Jacoby, 2008; Kelley, 2004; Merrien, 2001; Stone, 2004; Vachudova, 2005; Weyland, 2005). Например, доноры, в том числе двусторонние организации (такие как Агентство США по международному развитию (USAID), Министерство международного развития Великобритании (DfID), Германское общество международного сотрудничества (GIZ), Министерство международного сотрудничества Канады (CIDA)), а также международные институты развития (Всемирный банк, МВФ, Азиатский банк развития (АБР), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР)), призваны оказывать содействие в институциональном строительстве, передаче политических практик и распространении знаний путем идейного вдохновения, финансирования, оказания технической и экспертной помощи, а также укрепления институционального и административного потенциала (Court, Hovland & Young, 2005; Hennink & Stephenson, 2005; Jones et al., 2008; Jones & Young, 2007).

Международные институты развития, такие как Всемирный банк, МВФ, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), способствуют институциональным и политическим преобразованиям и передаче знаний путем создания необходимого поддерживающего потенциала. Эта цель реализуется посредством предоставления технической и финансовой поддержки, трансфера политических институтов, консультирования по политическим вопросам, обучения и передачи знаний развивающимся странам. Эти транснациональные субъекты оказывают влияние на национальную политику путем создания и распространения политических идей, предоставления аналитических ресурсов и публикаций, создания норм и обоснования политических изменений, а также через регулярные контакты с политиками, работу со СМИ и проведение семинаров и конференций⁶.

⁶ Béland D., Orenstein M. How Do Transnational Policy Actors Matter? // Université de Montréal. 2009. URL: http://cccg.umontreal.ca/RC19/PDF/Beland-D_Rc192009.pdf (accessed: 15.09.2022). См. также:

Почти во всех сферах жизни общества правительства получают поддержку и консультационные услуги со стороны наднациональных структур, которые занимаются производством и распространением идей и норм и передают их на уровень национальных государств. Например, в области трудовых отношений — это Всемирный банк, ОЭСР, Международная организация труда (МОТ); в сфере здравоохранения — Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ); по вопросам защиты окружающей среды — Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), а также крупнейшие международные конференции (например, Саммиты Земли). Источником легитимности таких транснациональных акторов выступают их собственные мандаты (как в случае с ВОЗ, которой поручено разрабатывать глобальные нормы общественного здравоохранения), либо, как у многих НПО, результаты их деятельности (Uhlin, 2010).

Международные организации и другие транснациональные сети широко задействованы в наращивании потенциала развивающихся стран в контексте глобального институционального и политического трансфера. Концепция и практика укрепления государственного потенциала (*capacity-building*) стартовала в 1950-е гг. с идеи институционального строительства, в 1970—1980-е гг. развивалась в русле концепции человеческих ресурсов, а с 2000-х гг. фокус сместился уже более конкретно на задачи по развитию потенциала государства и сети знаний (Blagescu & Young, 2006; Дементьев, Устюжанина, 2016; Sumkoski, 2017). Попытки добиться улучшения качества государственного управления в развивающихся странах обеспечивались за счет внедрения нелиберальной модели нового государственного управления (*new public management*), принятой в развитых странах. Распространение этих изменений на глобальном уровне, проистекающих из фундаментального изменения государственных мандатов, в частности перехода от попыток управлять всей экономикой с помощью командно-административной иерархической системы к предоставлению услуг и созданию

(Abelson, 2002; Stone, 2004; *Think Tanks and Civil Societies...*, 2000).

условий для роста (Sumkoski, 2017; Moran, 2011), поддерживается широким кругом глобальных, региональных и местных акторов в лице международных организаций, транснациональных политических сетей, аналитических центров и т. д.

Политические идеи, в основе которых лежит ныне господствующая политико-экономическая неолиберальная идеология, активно внедряются в более широкие рамки механизмов свободного рынка, такие как свободный выбор и конкуренция, либерализация и приватизация. В интерпретации теории международных режимов столь широко распространенный сдвиг стал возможен благодаря конвергенции мер государственной политики и политических институтов в результате одновременного выполнения странами своих международных обязательств.

Вместе с тем распространение новых инструментов регулирования часто происходит в отсутствие международных соглашений. В этой логике используется другое объяснение — правительства добровольно адаптируют свою политику к тому, что уже практикуется в других странах (Margulis, 2021). Глобальное распространение новой модели государственного регулирования и связанных с ней институтов, а также создание независимых агентств-регуляторов в значительной степени объясняется распространением политических практик через идеологическое лидерство новой парадигмы регулирования, которая всячески поддерживается транснациональными акторами.

Международные организации развития активно участвуют в продвижении и внедрении неолиберальных моделей управления через три взаимосвязанных и скоординированных действия — институциональное строительство, трансфер мер государственной политики, обучение и изменение модели мышления чиновников государственной администрации. Программы обучения по развитию частного сектора Бангладеш (*Private Sector Development, PSD*) подтверждают эти глобальные данные в более детальном виде. Программы обучения и тренинги проводились параллельно с начальным институциональным строительством и трансфером мер государственной политики и политических

институтов. Среди этих мер — создание платформы для диалога между частным и государственным секторами, а также проведение конкретных политических и регулятивных реформ (Sumkoski, 2017).

Реализация трансфера институтов может быть как экзогенной, так и эндогенной. Экзогенные институты, добровольные или принудительные, создаются, внедряются или навязываются сверху (Boettke, Coyne & Leeson, 2008) другими формальными или неформальными властями, такими как МВФ, Всемирный банк, Агентство США по международному развитию. Успешная адаптация политических институтов в большей степени связана с тем, как возникают и принимаются политические институты — в результате прямого насаждения или же заимствования, а не с их происхождением (Berkowitz, Pistor & Richard, 2003). Однако продвижение институтов схожего типа («монокультуривирование» институтов) и институтов, которые якобы обладают изначальным преимуществом перед другими, не всегда приводит к желаемым результатам, что становится ясно на фоне появления в КНР и других странах альтернативных и, по-видимому, успешных примеров развития гибридных институтов. Как утверждает Т. Домьян (Domjahn, 2013), развивающимся странам будет чрезвычайно трудно воспроизвести, например, корейскую модель развития, просто копируя государственную политику и формальные институты, так как ключевую роль в экономическом развитии Республики Корея сыграли неформальные институты, сформированные конфуцианством. Эмпирические исследования связи экономических индикаторов и институциональных реформ в переходных посткоммунистических странах не выявили четкой корреляции между конкретными институциональными реформами, продвигаемыми международными организациями, и экономическим ростом (Dunning & Pop-Eleches, 2004).

Под трансфером мер государственной политики понимается наделение созданных институтов непосредственным содержанием, а также процесс применения знаний о том, как меры государственной политики, политические институты и идеи, созданные в одной среде, могут быть использованы для их

развития в другой среде (Dolowitz & Marsh, 1996; Reinicke et al., 2000; Duan, Nie & Coakes, 2010). Подобный трансфер политики может представлять собой прямое заимствование мер государственной политики, законодательства и регулирующих инструментов либо осуществляться в виде имитации/эмуляции, синтеза/гибридизации, идейного вдохновения (Dolowitz & Marsh, 1996). Д. Стоун особо подчеркивает роль международных и транснациональных акторов в этих процессах (Stone, 2004).

Трансфер политических практик может быть достигнут в результате политической диффузии, под которой применительно к международному развитию понимается распространение инновационных политических инструментов. Подобная политическая диффузия обусловлена интенсивными информационными потоками в международных организациях, в результате чего инновации в политике с течением времени добровольно принимаются все большим числом стран (Rogers, 2003). Важно, что диффузию инициируют не формальные обязательства, а процессы социального обучения, копирования или подражания (Jørgens, 2004; Dolowitz & Marsh, 1996; Lazer, 2001; Busch & Jørgens, 2004).

Конвергенция мер государственной политики предполагает углубление их сходства в результате глобализации (Knill, 2005), поскольку барьеры на пути перемещения товаров, услуг и людей устраняются в контексте глобализации (Stallings, 2007) путем внедрения новых и конвергентных политических практик в существующие структуры. Сторонники конвергенции политики указывают, что глобализация и порождаемое ею давление перемен позволяют объяснить причины использования идентичных политических мер в большинстве стран, которые решают одни и те же экономические проблемы из-за торговой и инвестиционной конкуренции. Однако вышеперечисленные исследования показывают, что сходство и глобальная конвергенция политик достигается за счет принуждения, имитации/подражания, развития межэлитных сетевых связей, политической гармонизации или навязывания политических практик. Ранее М. Калер предсказывал дальнейшее

ограничение деятельности национальных правительств с помощью так называемой «золотой смирительной рубашки» экономической взаимозависимости (Kahler, 2009).

Легитимность неолиберальных моделей, продвигаемых международными организациями

В предыдущие десятилетия широкое распространение по всему миру получили рыночные реформы в русле рекомендаций Бреттон-Вудских институтов. Однако сегодня мы наблюдаем рост популярности моделей развития с более весомой ролью государства и смешанных моделей, что отражает стремление развивающихся стран к поиску подходящих им форматов. Передача власти от государства независимым регулирующим органам угрожает конституционалистскому подходу, поскольку не предполагает передачу полномочий или ответственности за результаты. В существующих демократических процессах подотчетности именно правительство до сих пор несет перед гражданами ответственность, которая реализуется через электоральные процедуры. Однако утрата национальным государством полномочий и децентрализация (Scott, 2010) привели к фундаментальным изменениям, поставившим под сомнение центральную роль национального государства в управлении ключевыми процессами и ресурсами внутри страны.

Был ли найден альтернативный источник легитимности в рамках глобального неолиберализма? Те, кто убежден в неминемости дальнейшего размывания государственного суверенитета, признают «дефицит демократии» на всех уровнях глобального управления. При этом утверждается, что легитимность может быть достигнута за счет надлежащего управления, эффективности, обеспечения прозрачности и инклюзивности процедур и подотчетности наднациональных органов и организаций. В этом случае легитимность будет приравниваться к результативности решения задач и эффективности функционирования институтов глобального управления (Clark, 2003). Данный процесс стал известен как переход «от легитимности происхождения к легитимности осуществле-

ния» (d'Aspremont & de Brabandere, 2011). Международные организации черпают свою легитимность из полномочий, предоставленных им государствами-членами. Кроме того, так называемая легитимность, основанная на ценностях, может трансформироваться в поведенческую легитимность через повышение уровня соответствия стандартам организации (Levi, Sacks & Tyler, 2009).

Важно заметить, что эти подходы отодвигают на второй план краеугольные принципы неолиберального порядка — демократию, выборы, прозрачность и подотчетность, поскольку, завладев всеми рычагами мировой власти, гегемония глобального неолиберализма более не нуждается в таких утомительных мелочах. Однако эффективность и результативность сами по себе не могут быть единственными критериями легитимности при разработке новых механизмов управления, поскольку легитимность, проистекающая из участия и вовлеченности, одинаково важна как со стратегической, так и с политической точек зрения (Reinicke et al., 2000).

Легитимность имеет как нормативное (право на власть), так и социологическое измерение (принятие власти в зависимости от электората, обеспечивающего легитимность). Соответственно, она не может быть навязана или заменена (Buchanan & Keohane, 2005; Maggetti, 2009; 2010; Risse, 2006). Это имеет ключевое значение для доктрины суверенного государства, поскольку она основана на легитимности, источником которой для национального государства выступает его народ. Власть, основанная на юридически-рациональной легитимности, остается неизменным условием верховенства права.

В доктрине суверенного государства подчеркивается необходимость включения процедурной справедливости в институты, политику и правоприменительную практику, которые должны восприниматься участниками как справедливые. Важно также отметить, что эмпирические исследования подтверждают тезис о том, что процедурная справедливость, достигаемая в результате реализации подотчетных и прозрачных подходов с широким участием, более важна, чем справедливость результатов (Tyler, 1990; Sumkoski,

2016). Кроме того, легитимность в большей степени обеспечивается справедливостью политических процедур или распределения благ, а не позитивными результатами осуществления политических процедур и решений. Поведение других людей влияет на индивидуальное согласие через характер и степень социального влияния, оказываемого в обществе, которое, в свою очередь, зависит от восприятия обществом институциональной легитимности (Sutinen & Kupuran, 1999; Young, 1979).

Таким образом, именно легитимность имеет первостепенное значение для управления как на государственном уровне, так и на уровне новых глобальных многополярных институтов. Это позволяет обеспечить согласие ведомых государств с принимаемыми решениями и, что более важно, создать благоприятную среду для соблюдения правил посредством добровольного исполнения принимаемых решений и снижения операционных издержек. Тем самым удается добиться не только легитимности и принятия подобных систем, но и большей эффективности и легкости управления ими.

Доктрина суверенного государства и ее практическая реализация

Анализируя причины распространения и насаждения неолиберализма, важно обозначить сферы вмешательства, слабые места сформировавшейся системы государственного управления и то, как доктрина суверенного государства может помочь в решении образовавшихся проблем путем поддержки национальных государств и восстановления их способности управлять процессами внутри них. Очевидно, что нынешняя критика глобальной неолиберальной системы привела к подрыву ее моральных и идеологических основ, обнажив коренные причины ее несостоятельности и скорого падения.

В этих условиях именно на доктрину суверенного государства возлагаются надежды в поиске ответов на два насущных экзистенциальных вопроса — «что делать» и «как действовать»? В данном случае исторический пример фокусирования коммунистических стран на критике капитализма без должного

внимания к повестке строительства самого коммунизма во многом объясняет неспособность успешно и всесторонне реализовать коммунистическую идею на практике, а также служит наглядной демонстрацией необходимого алгоритма действий для реализации доктрины суверенного государства.

Следовательно, доктрина суверенного государства выходит за рамки критики глобальной неоллиберальной модели и направлена на устранение возникшего в результате ослабления национальных государств «вакуума», который необходимо восполнить в кратчайшие сроки. Доктрина суверенного государства не просто выступает против нынешнего «ложного» глобализма, который обеспечивает рост благосостояния меньшинства за счет большинства. Ее задача — поддерживать истинный глобализм свободных суверенных народов и наций со справедливой глобальной экономической, социальной и политической системой на государственном уровне, в которой никто не останется без внимания и которая основана на законах природы, человечества и Бога⁷. Именно эта доктрина выдвигается в качестве альтернативного видения будущего через собственные суверенные научные и образовательные платформы, собственную сеть альтернативных средств массовой информации, достоверные политические, социальные и экономические модели и их популяризацию через образовательные платформы, а также противодействие нынешней гегемонии через местные организации (Sumkoski, 2016).

Доктрина суверенного государства не предполагает возвращения к доглобальному периоду. Такое возвращение нереалистично и в принципе невозможно из-за беспрецедентного технологического и информационного прогресса. Это не более чем ностальгия по «старым добрым временам». Кроме того, доктрина суверенного государства выходит за рамки ложной и уже по сути развалившейся системы

деления на «левых» и «правых», тем более в силу их слияния по итогам акта Блэра — Клинтона в рамках предложенного концепта «третьего пути». Сегодня подобное разделение создает скорее иллюзию выбора и демократии (Barrientos & Powell, 2004).

Сама доктрина суверенного государства стала ответом на нападки глобального неоллиберализма на важнейший компонент как «правой» идеологии — нацию, традиции и мораль, так и «левой» идеологии — справедливость и равенство. Следует признать, что с точки зрения защиты традиций, наций и свобод доктрина суверенного государства выглядит более «правой» по сравнению с прежней, но в обеспечении социальной справедливости и достойной жизни общества ей присущ еще более «левый» характер по сравнению с нынешними «левыми» позициями. Утраченная легитимность глобального гегемона может быть восстановлена только лишь с самого базового уровня — семьи, общины, далее — государства и нации, переходя в перспективе к глобальному сообществу, построенному на законности национальных государств, определяемой общими ценностями, культурой, языком и идентичностью.

На государственном уровне доктрина суверенного государства может принимать самые разнообразные политические формы — от королевства до республики, от демократии до теократии, от консервативных и либертарианских до социалистических, коммунистических, теократических политических ориентаций. При этом каждая нация организует себя и свой собственный образ жизни, придерживаясь общечеловеческих, естественных и нравственных объединяющих принципов строительства экономически и социально справедливого общества, в котором никто не останется без внимания. В символизме и семантике контргегемонизма в угнетенных нациях доминирует суверенитет, который возвышается над прежней борьбой «левых» и «правых», поскольку в него включены идеологические цели обоих политических движений и он отражает потребности и желания людей вернуть свои самоорганизующиеся силы в рамках национального государства.

⁷ Sumkoski G. Counterhegemony — The Need for Operationalizing the Ideology into Strategy, Plans, Vision of the Beautiful Free Prosperous Shining Town on the Hill // Geopolitika.ru. June 8, 2021. URL: <https://www.geopolitika.ru/en/article/counterhegemony-need-operationalizing-ideology-strategy-plans-vision-beautiful-free> (accessed: 15.09.2022).

Внедрение доктрины суверенного государства на уровне национальных государств должно сопровождаться продвижением многополярного миропорядка, в котором будет задан вектор необходимых реформ, в том числе в части восстановления или замены ныне утратившей силы ООН (Foreign Policies of the CIS States..., 2019; Kurylev et al., 2018). Именно доктрина суверенного государства призвана сформулировать ответы на острейшие вопросы современной повестки: в каком ключе предстоит урегулировать споры между соседями? Что заменит или дополнит Всемирный банк и МВФ? Будет ли перестроена контролируемая Западом эксплуататорская система фиатной валюты и удастся ли заменить ее на справедливую систему обмена? Как будут работать экономические связи между суверенными странами, которые прежде не участвовали в активной взаимной торговле и инвестициях?

Доктрина суверенного государства и теория международных отношений

Ответы на поставленные вопросы — это именно то, чего национальные государства ожидают от многополярного миропорядка⁸. Классические реалистские и критические теории международных отношений содержат некоторые идеи относительно обеспечения подотчетности и легитимности с точки зрения принятия решений в рамках многополярности. Очевидно, что национальные государства уже уступали часть своего суверенитета в XIX в. Однако дальнейшие действия в этом духе возможны только в случае, если государства и населяющие их нации и народы убедятся в наличии подотчетного и легитимного миропорядка, который способен продвигать как общечеловеческие ценности, так и сохранять разнообразие.

А.Г. Дугин указывает, что в своем фундаментальном измерении многополярность

⁸ Sumkoski G. Counterhegemony — The Need for Operationalizing the Ideology into Strategy, Plans, Vision of the Beautiful Free Prosperous Shining Town on the Hill // Geopolitika.ru. June 8, 2021. URL: <https://www.geopolitika.ru/en/article/counterhegemony-need-operationalizing-ideology-strategy-plans-vision-beautiful-free> (accessed: 15.09.2022).

означает свободный полилог обществ, народов и культур. «Но прежде, чем появится этот полилог, необходимо определить общие правила. Таким образом, теория международных отношений предполагает открытость терминов, понятий, теорий, множество действующих лиц, а также сложность и многозначность выражений. Объединяет все вышеперечисленное в контексте легитимности теория многополярного мира (ТММ), которая представляет собой теорию международных отношений, по существу отвергающую гегемонию на ее собственных основаниях и призывающую к созданию широкого контргегемонистского союза свободных обществ, людей и культур, которые будут организовывать миропорядок, принимаемый как справедливый созданными его участниками, тем самым придавая ему легитимность»⁹.

Теоретизация доктрины суверенного государства наравне с ее операционализацией на местах и объединением сил на глобальном уровне является крайне важной. Это позволит сформировать отношения, сознание, поведение и политику людей и государств в контексте построения справедливых и устойчивых механизмов многополярного мироустройства. В качестве объединяющих принципов выступают традиционные нравственные ценности, привлекательность которых в сравнении с нынешними — безбожными, роботизированными, пустыми и лишенными всякой свободы, разнообразия, человечности, традиций и морали — кажется неоспоримой.

Необходимость формирования взаимовыгодного многополярного миропорядка очевидна и бесспорна. У государств просто нет иного выбора, кроме как участвовать в его построении. Однако любая модель мироустройства, которая придет на смену гегемонии неолиберализма, будет возможна только в случае, если граждане, нации и государства увидят в ней подотчетную, легитимную, многостороннюю систему, способную продвигать как традиционные общечеловеческие ценности, так и многообразие наций, культур, традиций и образов жизни народов мира.

⁹ Dugin A. Counter-Hegemony in the Theory of the Multipolar World // Geopolitika.ru. May 10, 2016. URL: <https://www.geopolitika.ru/en/article/counter-hegemony-theory-multipolar-world> (accessed: 15.09.2022).

Доктрина суверенного государства в части экономического развития предлагает набор инструментов для разработки и реализации институциональных, стратегических и политических рамок функционирования правительств суверенных государств. С ее помощью можно провести сравнительный анализ всех моделей, чтобы правительства сумели выбрать наиболее подходящую, закрепив ее в своих долгосрочных концепциях экономического развития. Принятые к настоящему времени в большинстве стран национальные планы развития и стратегические документы в экономической, социальной, образовательной, медицинской и других областях лишены какого-либо значимого суверенного политического содержания и редко согласовываются с народом. Как правило, их разработкой занимались технократические элиты, которые руководствовались документами Всемирного банка, МВФ, АБР, ЕБРР, Африканского банка развития (АфБР) и других институтов. Показательно, что эти документы подразумевают исключительно исполнительно-административную работу и по большому счету не способствуют росту благосостояния народа.

Итак, в сфере политики развития необходима смена парадигмы, переориентация с интересов глобалистских транснациональных корпораций на интересы обществ. Подобное изменение, безусловно, повлечет увеличение нагрузки на государства, которым придется разрабатывать, планировать и претворять в жизнь более сложные и требовательные программы развития.

Концепция суверенного экономического развития имеет наиважнейшее значение, но для возрождения национального государства такие же глубокие изменения должны произойти и во всех других областях политического и социального развития. Более того, достижение суверенного экономического развития должно быть сопряжено с политическим и социальным развитием. Нынешнее разделение этих областей и, тем более, дальнейшее дробление внутри каждой из них приводит к тому, что субъекты, принимающие решения, не обладают полнотой картины. Подобная практика дробления была свойственна глобальной неолиберальной

программе, что в конечном итоге позволяло проводить глобалистскую политику без широкого сопротивления. Суверенная экономическая доктрина требует активизации и использования всего национального интеллектуального, человеческого и институционального потенциала и ресурсов, которые должны быть направлены на создание жизнеспособной и справедливой суверенной экономической доктрины. К каким последствиям приведет внедрение этой доктрины?

Во-первых, речь идет о глубоком идеологическом изменении в отношении суверена — народа национального государства, что означает изменение структуры стимулов между всеми экономическими, политическими и социальными факторами, которые должны быть закреплены в основополагающих актах, таких как конституция. Нынешняя структура стимулов, присущая современной неолиберальной экономике, не сбалансирована и смещена в сторону интересов акторов, выступающих локальными исполнителями глобальной неолиберальной повестки дня, что наносит ущерб национальной экономике, ее производительности, отвлекает природные и человеческие ресурсы на непроизводительную деятельность, которая не создает добавленную стоимость и не способствует росту благосостояния населения.

Во-вторых, предусматривается обновление науки и образования, в частности экономической науки, в соответствии с доктриной суверенного государства. Для реализации доктрины суверенного развития необходимо обеспечить достоверную базу знаний и внедрять результаты обновленной науки как внутри страны, так и за ее пределами — через журналы, аналитические центры, международные академические сети и, что важнее, — на разных языках. Суверенная наука будет конкурировать с современной англоязычной наукой, выхолощенной внедрением неолиберальной повестки и продвигающей ее. Из-за доминирования неолиберальных подходов потребуются создание собственной параллельной системы аккредитации образовательных платформ, сети образовательных и обучающих площадок, например учебных центров, в дополнение к существующим школам и университетам.

В-третьих, формирование глубокого национального видения суверенного экономического развития на уровне стратегических документов будет поддерживаться политическими, руководящими и административными структурами посредством консультаций, распространения информации и участия. Это станет основой для разработки оперативных планов и программ развития, в которых будут прописаны целевые индикаторы, система мониторинга, раннего предупреждения, исправления и корректировки, а главное, — оценка результатов. Именно эти документы будут оказывать влияние на развитие всех секторов государства и общества, будут поддерживаться другими отраслевыми концепциями и стратегиями развития, например, в политической и социальной сфере.

В-четвертых, речь идет об институциональных изменениях и развитии людских ресурсов для государственного управления, административных структур, судебной системы, центрального и коммерческого банковского дела, системы образования, государственных финансов. Потребуется также корректировка системы экономических стимулов для поддержки и реализации стратегии справедливого суверенного экономического развития.

Наконец, в-пятых, необходима система мер поддержки всех субъектов экономической деятельности, от индивидуальных предпринимателей до крупных национальных корпораций, путем предоставления доступа к финансам, ноу-хау, физической, материальной и социальной инфраструктуре, инновациям, технологическим достижениям, рынкам, торговле и экспорту, инвестициям, брендингу продуктов и проч.

Исходя из данного видения и стратегии, реализация суверенной экономической доктрины должна включать следующие составные части суверенного национального развития: институциональное развитие, управление и администрирование; внедрение и построение справедливой экономической системы; поощрение частных и государственных инвестиций; проведение отраслевой экономической политики и поддержка уникальных отраслевых преимуществ; продвижение международного экономического сотрудничества;

развитие суверенных финансовых потоков в целях развития; развитие инфраструктуры; развитие навыков, ноу-хау и знаний, человеческих ресурсов; совершенствование производственных и сервисных мощностей путем развития технологий и инноваций; развитие микро-, малых и средних предприятий; местное и региональное экономическое развитие; оптимизация и реструктуризация государственных и частных компаний, а также реинжиниринг бизнес-процессов; развитие добывающих производств и защита окружающей среды; поощрение торговли и экспорта, маркетинг и брендинг национальной экономики; регулирование и дерегулирование в целях экономического развития; цифровизация, электронное управление, блокчейн, искусственный интеллект.

Таким образом, доктрина суверенного экономического развития, в основе которой лежит доктрина суверенного государства, заполняет образовавшийся за десятилетия реализации неолиберальных моделей вакуум «разгосударствления». Это достигается за счет: а) обеспечения широких идеологических и философских основ и понимания сути суверенной экономики, что дает возможность сформулировать собственную суверенную экономическую доктрину, и б) развития практических навыков, знаний, платформ, рычагов и инструментов реализации положений экономической теории, которые позволят создать условия для процветания национальных экономик в общих интересах. Аналогичный подход необходим и при разработке соответствующих суверенных доктрин политического и социального развития.

Заключение

Неспособность неолиберальной модели развития обеспечить устойчивое развитие национальных государств порождает необходимость поиска альтернативы с учетом потребностей суверенного развития национальных государств в многополярном мире. Основой для восстановления национального государства и формулирования доктрины суверенного государства становится анализ механизмов и областей, в которых реализация

неолиберальных моделей привела к ослаблению функциональных возможностей государства. Четкое понимание этих причин открывает возможности для восстановления состоятельности и потенциала государств в разработке и реализации доктрины, стратегий и оперативных планов по восстановлению национальных государств. Создание эффективных национальных образовательных, научных, аналитических платформ и соответ-

ствующих международных сетей будет способствовать продвижению доктрины суверенного государства и поможет национальным государствам обмениваться информацией, опытом, знаниями в разработке идеологии, стратегических и оперативных планов развития. Именно над этим государствам предстоит работать в зарождающемся многополярном мире.

Поступила в редакцию / Received: 30.08.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 12.10.2022
Принята к публикации / Accepted: 17.10.2022

Библиографический список

- Дегтерев Д. А.* Содействие международному развитию. Эволюция международно-правовых режимов и эффективность внешней помощи. Москва : Ленанд, 2013.
- Дементьев В. Е., Устюжанина Е. В.* Проблема власти с точки зрения институционального подхода // Журнал институциональных исследований. 2016. Т. 8, № 3. С. 91—101. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2016.8.3.091-101>
- Маньшин Р. В., Гафари А. Л.* Инвестиционное сотрудничество России и Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29, № 3. С. 490—501. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2021-29-3-490-501>
- Abelson D. E.* Do Think Tanks Matter? Assessing the Impact of Public Policy Institutes. Montreal : McGill-Queen's University Press, 2002.
- Barrientos A., Powell M.* The Route Map of the Third Way // *The Third Way and Beyond: Criticisms, Futures, Alternatives* / ed. by S. Hale, W. Leggett, L. Martell. Manchester : Manchester University Press, 2004. P. 9—27.
- Berkowitz D., Pistor K., Richard J.-F.* Economic Development, Legality, and the Transplant Effect // *European Economic Review*. 2003. Vol. 47, no. 1. P. 165—195. [https://doi.org/10.1016/S0014-2921\(01\)00196-9](https://doi.org/10.1016/S0014-2921(01)00196-9)
- Bernstein S., Cashore B.* Globalization, Four Paths of Internationalization and Domestic Policy Change: The Case of Ecoforestry in British Columbia, Canada // *Canadian Journal of Political Science*. 2000. Vol. 3, no. 1. P. 67—99. <https://doi.org/10.1017/S0008423900000044>
- Blagescu M., Young J.* Capacity Development for Policy Advocacy: Current Thinking and Approaches Among Agencies Supporting Civil Society Organisations // *Overseas Development Institute Working Paper*. 2006. No. 260. P. 1—50. URL: <https://www.gichd.org/fileadmin/GICHD-resources/rec-documents/Capacity-Development-for-Policy-Advocacy.pdf> (accessed: 15.09.2022).
- Boettke P. J., Coyne C. J., Leeson P. T.* Institutional Stickiness and the New Development Economics // *American Journal of Economics and Sociology*. 2008. Vol. 67, no. 2. P. 331—358. <https://doi.org/10.1111/j.1536-7150.2008.00573.x>
- Buchanan A., Keohane O. R.* The Legitimacy of Global Governance Institutions // *Ethics & International Affairs*. 2005. Vol. 20, no. 4. P. 405—437. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7093.2006.00043.x>
- Busch P. O., Jörgens H.* The International Sources of Policy Convergence: Explaining the Spread of Environmental Policy Innovations // *Journal of European Public Policy*. 2004. Vol. 12, no. 5. P. 860—884. <https://doi.org/10.1080/13501760500161514>
- Cisse O.* Mineral Policy in Developing Countries: Copy and Paste? // *CEPMLP Annual Review*. 2008. No. 12. P. 1—15. URL: <https://www.dundee.ac.uk/download/17271/media> (accessed: 15.09.2022).
- Clark I.* Legitimacy in a Global Order // *Review of International Studies*. 2003. Vol. 29, no. S1. P. 75—95. <https://doi.org/10.1017/S0260210503005904>
- Court J., Hovland I., Young J.* Bridging Research and Policy: Evidence and the Change Process. Rugby : ITDG Publishing, 2005.
- D'Aspremont E., De Brabandere A.* The Complementary Faces of Legitimacy in International Law: The Legitimacy of Origin and the Legitimacy of Exercise // *Fordham International Law Journal*. 2011. Vol. 34, no. 2. P. 190—235.
- Deacon B.* *Global Social Policy & Governance*. London : Sage, 2007. <https://dx.doi.org/10.4135/9781446212219>
- Dolowitz D., Marsh D.* Who Learns What From Whom? A Review of the Policy Transfer Literature // *Political Studies*. 1996. Vol. 44, no. 2. P. 343—357. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1996.tb00334.x>

- Domjahn T.* What (if Anything) Can Developing Countries Learn from South Korea? // *Asian Culture and History*. 2013. Vol. 5, no. 2. P. 16—24. <https://doi.org/10.5539/ach.v5n2p16>
- Drezner D. W.* Globalization and Policy Convergence // *International Studies Review*. 2001. Vol. 3, no. 1. P. 53—78. <https://doi.org/10.1111/1521-9488.00225>
- Duan Y., Nie W., Coakes E.* Identifying Key Factors Affecting Transnational Knowledge Transfer // *Information & Management*. 2010. Vol. 47, no. 7—8. P. 356—363. <https://doi.org/10.1016/j.im.2010.08.003>
- Dunning T., Pop-Eleches G.* From Transplants to Hybrids: Exploring Institutional Pathways to Growth // *Studies in Comparative International Development*. 2004. Vol. 38, no. 4. P. 3—29. <https://doi.org/10.1007/BF02686326>
- Evans P.* Development as Institutional Change: The Pitfalls of Monocropping and Potentials of Deliberation // *Studies in Comparative International Development*. 2004. Vol. 38, no. 4. P. 30—53. <https://doi.org/10.1007/BF02686327>
- Foreign Policies of the CIS States: A Comprehensive Reference / ed. by D. Degterev, K. Kurylev. Boulder : Lynne Rienner, 2019. <https://doi.org/10.1515/9781626378087>
- Gilardi F., Wasserfallen F.* The Politics of Policy Diffusion // *European Journal of Political Research*. 2019. Vol. 58, no. 4. P. 1245—1256. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12326>
- Global Institutions and Development: Framing the World? / ed. by M. Boas, D. McNeill. London : Routledge, 2004.
- Goderis B., Versteeg M.* Transnational Constitutionalism: A Conceptual Framework // *Social and Political Foundations of Constitutions* / ed. by D. J. Galligan, M. Versteeg. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 103—133. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139507509.007>
- Hausmann R., Pritchett L., Rodrik D.* Growth Accelerations // *Journal of Economic Growth*. 2005. Vol. 10, no. 4. P. 303—329. <https://doi.org/10.1007/s10887-005-4712-0>
- Hennink M., Stephenson R.* Using Research to Inform Health Policy: Barriers and Strategies in Developing Countries // *Journal of Health Communication*. 2005. Vol. 10, no. 2. P. 163—180. <https://doi.org/10.1080/10810730590915128>
- Holzinger K., Knill C., Sommerer T.* Environmental Policy Convergence: The Impact of International Harmonization, Transnational Communication, and Regulatory Competition // *International Organization*. 2008. Vol. 62, no. 4. P. 553—587. <https://doi.org/10.1017/S002081830808020X>
- Jacoby W.* Minority Traditions and Post-Communist Politics: How Do IGOs Matter? // *Transnational Actors in Central and East European Transitions* / ed. by M. A. Orenstein, S. Bloom, N. Lindstrom. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2008. P. 56—76. <https://doi.org/10.2307/j.ctt7zwb44>
- Jones N., Jones H., Steer L., Datta A.* Improving Impact Evaluation Production and Use // *Overseas Development Institute Working Paper*. 2008. No. 300. P. 1—78. URL: <https://cdn.odi.org/media/documents/4158.pdf> (accessed: 15.09.2022).
- Jones N., Young J.* Setting the Scene: Situating DFID's Research Funding Policy and Practice in an International Comparative Perspective. London : Overseas Development Institute, 2007.
- Jørgens H.* Governance by Diffusion: Implementing Global Norms through Cross-National Imitation and Learning // *Governance for Sustainable Development: The Challenge of Adapting Form to Function* / ed. by W. M. Lafferty. Cheltenham : Edward Elgar, 2004. P. 246—283. <https://doi.org/10.4337/9781845421700.00017>
- Kahler M.* Global Governance Redefined // *Challenges of Globalization: Immigration, Social Welfare, Global Governance* / ed. by A. Sobel. London : Routledge, 2009. P. 174—198.
- Kelley J.* Ethnic Politics in Europe: The Power of Norms and Incentives. Princeton : Princeton University Press, 2004.
- Knill C.* Introduction: Cross-National Policy Convergence: Concepts, Approaches and Explanatory Factors // *Journal of European Public Policy*. 2005. Vol. 12, no. 5. P. 764—774. <https://doi.org/10.1080/13501760500161332>
- Kramer A., Pahl-Wostl C.* The Global Policy Network Behind Integrated Water Resources Management: Is It an Effective Norm Diffuser? // *Ecology and Society Research*. 2014. Vol. 19, no. 4. P. 1—12.
- Kurylev K., Degterev D., Smolik N., Stanis D.* A Quantitative Analysis of Geopolitical Pluralism in the Post-Soviet Space // *International Organisations Research Journal*. 2018. Vol. 13, no. 1. P. 134—156. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-01-08>
- Lazer D.* Regulatory Interdependence and International Governance // *Journal of European Public Policy*. 2001. Vol. 8, no. 3. P. 474—492. <https://doi.org/10.1080/13501760110056077>
- Leimgruber M.* The Historical Roots of a Diffusion Process: The Three-Pillar Doctrine and European Pension Debates (1972—1994) // *Global Social Policy*. 2012. Vol. 12, no. 1. P. 24—44. <https://doi.org/10.1177/1468018111431668>
- Levi M., Sacks A., Tyler T.* Conceptualizing Legitimacy, Measuring Legitimizing Beliefs // *American Behavioral Scientist*. 2009. Vol. 53, no. 3. P. 354—375. <https://doi.org/10.1177/0002764209338797>
- Lin J. Y.* New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development Policy. Washington, D.C. : World Bank, 2012.
- Maggetti M.* Legitimacy and Accountability of Independent Regulatory Agencies: A Critical Review // *Living Reviews in Democracy*. 2010. Vol. 2. P. 1—10.

- Maggetti M.* The Role of Independent Regulatory Agencies in Policy-Making: A Comparative Analysis // *Journal of European Public Policy*. 2009. Vol. 16, no. 3. P. 450—470. <https://doi.org/10.1080/13501760802662854>
- Margulis M. E.* Intervention by International Organizations in Regime Complexes // *The Review of International Organizations*. 2021. Vol. 16, no. 4. P. 871—902 <https://doi.org/10.1007/s11558-020-09403-z>
- Merrien F. X.* The World Bank's New Social Policies: Pensions // *International Social Science Journal*. 2001. Vol. 53, no. 170. P. 537—550. <https://doi.org/10.1111/1468-2451.00343>
- Minogue M.* Governance-based Analysis of Regulation // *Annals of Public and Cooperative Economics*. 2002. Vol. 73, no. 4. P. 649—666. <https://doi.org/10.1111/1467-8292.00209>
- Moran T. H.* Foreign Direct Investment and Development: Launching a Second Generation of Policy Research: Avoiding the Mistakes of the First, Re-Evaluating Policies for Developed and Developing Countries. Washington, D.C. : Peterson Institute for International Economics, 2011.
- Potoski M., Prakash A.* Green Clubs and Voluntary Governance: ISO 14001 and Firms' Regulatory Compliance // *American Journal of Political Science*. 2005. Vol. 49, no. 2. P. 235—248. <https://doi.org/10.1111/j.0092-5853.2005.00120.x>
- Reinicke W. H., Deng F., Witte J. M., Benner T. et al.* Critical Choices: The United Nations, Networks, and the Future of Global Governance. Ottawa : International Development Research Centre, 2000.
- Risse T.* Transnational Governance and Legitimacy // *Governance and Democracy: Comparing National, European and International Experiences* / ed. by A. Benz, Y. Papadopoulos. London : Routledge, 2006. P. 179—199.
- Rogers E. M.* Diffusion of Innovations. 5th edition. New York : Free Press, 2003.
- Rosenau J.* Governance in the Twenty-first Century // *Global Governance*. 1995. Vol. 1, no. 1. P. 13—43.
- Scott C.* Regulatory Governance and the Challenge of Constitutionalism // *The Regulatory State: Constitutional Implications* / ed. by D. Oliver, T. Prosser, R. Rawlings. Oxford : Oxford University Press, 2010. P. 15—33. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199593170.003.0002>
- Stallings B.* The Globalization of Capital Flows: Who Benefits? // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2007. Vol. 610, no. 1. P. 201—216. <https://doi.org/10.1177/0002716206297918>
- Stiglitz J.* Globalization and Its Discontents. New York : Norton & Company, 2002.
- Stiglitz J.* Redefining the Role of the State: Joseph Stiglitz on Building a “post-Washington Consensus”. An Interview with introduction by Brian Snowdon // *World Economics*. 2001. Vol. 2, no. 3. P. 45—86.
- Stone D.* Transfer Agents and Global Networks in the ‘Transnationalization’ of Policy // *Journal of European Public Policy*. 2004. Vol. 11, no. 3. P. 545—566. <https://doi.org/10.1080/13501760410001694291>
- Sumkoski G.* Building Reform Capacity // *Global Encyclopedia of Public Administration, Public Policy, and Governance* / ed. by A. Farazmand. Cham : Springer, 2017. P. 1—6. https://doi.org/10.1007/978-3-319-31816-5_3306-2
- Sumkoski G.* Towards Socio-Economic Theory and Practice of Regulation. Evidence from OECD Countries and Bangladesh // *Cogent Social Sciences*. 2016. Vol. 2, no. 1. P. 1—22. <https://doi.org/10.1080/23311886.2016.1254840>
- Sutinen J. G., Kuperan L.* A Socio-Economic Theory of Regulatory Compliance // *International Journal of Social Economics*. 1999. Vol. 26, no. 1/2/3. P. 174—193. <https://doi.org/10.1108/03068299910229569>
- Think Tanks and Civil Societies: Catalysts for Ideas and Action / ed. by R. Weaver. London : Sage, 2000.
- Trein P.* Literature Report: A Review of Policy Learning in Five Strands of Political Science Research // *INSPIRES Working Paper Series*. 2015. No. 26. P. 1—22. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2707344 (accessed: 15.09.2022).
- True J., Mintrom M.* Transnational Networks and Policy Diffusion: The Case of Gender Mainstreaming // *International Studies Quarterly*. 2001. Vol. 45, no. 1. P. 27—57. <https://doi.org/10.1111/0020-8833.00181>
- Tyler T. R.* Why People Obey the Law. New Haven : Yale University Press, 1990.
- Uhlin A.* Democratic Legitimacy Of Transnational Actors: Mapping Out the Conceptual Terrain // *Legitimacy Beyond the State?* / ed. by E. Erman, A. Uhlin. London : Palgrave Macmillan, 2010. P. 16—37. https://doi.org/10.1057/9780230283251_2
- Vachudova M. A.* Europe Undivided: Democracy, Leverage, & Integration after Communism. Oxford : Oxford University Press, 2005. <https://doi.org/10.1093/0199241198.001.0001>
- Verger A., Novelli M., Kosar Altinyelken H.* Global Education Policy and International Development: An Introductory Framework // *Global Education Policy and International Development: New Agendas, Issues and Policies* / ed. by A. Verger, M. Novelli, H. Kosar Altinyelken. London : Bloomsbury, 2012. P. 3—32.
- Weyland K.* Theories of Policy Diffusion Lessons from Latin American Pension Reform // *World Politics*. 2005. Vol. 57, no. 2. P. 262—295. <https://doi.org/10.1353/wp.2005.0019>
- Young O. R.* Compliance and Public Authority. New York : RFF Press, 1979.